

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	14
ГЛАВА ВТОРАЯ	24
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	38
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	52
ГЛАВА ПЯТАЯ	69
ГЛАВА ШЕСТАЯ	85
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	92
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	105
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	117
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	129
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	139
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	147
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	157
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	163
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	169
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	181
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	189
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	196
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	214
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	235
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	249
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	266

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	279
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	293
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	303
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	324
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	345
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	350
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	366
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ	377
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ	398
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ	413
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	421
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	432
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ	453
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ	469
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	484
ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ АВТОРА	495
ГЛОССАРИЙ	500

Пролог

Как положено семилетнему мальчишке, Харальд, третий из четырех детей конунга Горма и жены его, королевы Тюры, был любознателен, непоседлив и по-детски бесстрашен. И робкие дети порой совершают опасные для жизни или безрассудные поступки, даже не подозревая об этом, а Харальд, как истинный потомок конунгов, уже тогда поглядывал, не появится ли где дракон. В погожие дни он от зари до зари бродил по лесам и полям вокруг усадьбы Эбергорд, чаще во главе собственной «дружины» из мальчишек того же возраста, сыновей хирдманов и из челяди, а порой и один. Как в зрелом возрасте, так и в детстве Харальд никогда не скучал в одиночестве: будучи общительным человеком, он умел и любил поддержать беседу с кем угодно и о чем угодно, но за неимением собеседника общества себя самого ему было вполне достаточно.

Дракон пока не появлялся, зато обнаружилась одна странность. Как-то осенним вечером Харальд заметил, как его старшая сестра Гунн выскользнула из дома и исчезла в лесу. При этом она воровато оглядывалась, будто не хотела быть замеченной. Уже несколько лет Гунн была обручена с Эйриком, любимым сыном прославленного норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого, и дома ей оставалось провести только одну зиму: летом за ней при-

дет из Норвегии корабль и увезет к жениху. Харальд знал, что Гунн опасается отъезда в далекую страну, где ей придется жить среди чужих, — она нередко говорила об этом с матерью. Понимая, сколько явных и скрытых опасностей ей будет угрожать, она охотно изучала руны и обучалась составлять разнообразные заклинания. Горм, человек мудрый, наставлял ее, понимая, что будущей королеве это пригодится. Гунн выучилась заклятиям, умела использовать целебные травы, вязать заговоренные узелки. Младшие братья, Кнут и Харальд, верили, что их сестра стала настоящей колдуньей.

Заметив, как Гунн в одиночестве направляется к лесу, Харальд сразу насторожился. А вдруг удастся увидеть, как Гунн поедет верхом на волке? Или вызовет тролля из-под камня и заговорит с ним? Или поднимет мертвеца из старой могилы? И мальчик, таясь за кустами, устремился за сестрой.

Натопанную тропу к соседней усадьбе Гунн давно оставила в стороне и теперь уверенно пробиралась по едва заметной стежке. Харальд прилагал немало усилий, чтобы не отстать и не потерять сестру из виду. Рослая, светловолосая Гунн была заметна в любой толпе, но сегодня, одетая в простую некрашеную одежду, покрытая бурым суконным плащом, она почти сливалась со стволами и ветвями унылого осеннего леса. Вот она оглянулась; Харальд поспешно укрылся за кустом. А когда несколько мгновений спустя осторожно выглянул, то не увидел Гунн. Сестра исчезла!

Прячась за ветками, Харальд подобрался к тому месту, где видел ее в последний раз. Огляделся, но бурого плаща не приметил. Вокруг было тихо, сгущался между деревьями вечерний туман. Может,

ему померещилось, будто она пошла в лес? Или у нее плащ-невидимка?

Вернувшись домой, о своем маленьком приключении Харальд никому не сказал. Не поделился даже с братом. Это теперь была его тайна, и он хотел разобраться в ней сам.

С этого дня Харальд стал по вечерам следить за Гунн и дня через три-четыре вновь увидел ее в буром плаще. Куда ей идти в такое время, да еще под морозящим дождем? Во весь дух мальчик пустился бежать к тому месту, где сестра исчезла в прошлый раз. Найти искривленный дуб с почерневшей от дождя корой ему удалось не сразу, но зато вовремя: едва он затаился в кустах, как мимо торопливо прошла Гунн. Сегодня она выглядела взволнованной и почти бежала, не глядя по сторонам.

Взрослый наблюдатель решил бы, что у конунговой дочери свидание с каким-нибудь неподходящим парнем, но семилетнему Харальду это не пришло в голову. Он чуял здесь жуткую и увлекательную тайну и крался за сестрой, настороженный, будто охотник на звериной тропе.

Так они продвигались еще довольно долго, и Харальд уже побаивался, что не сумеет найти дорогу обратно. Темнело, и он едва мог разглядеть в сумерках идущую впереди Гунн. Но пути назад не было, и он следовал за сестрой, будто привязанный невидимой веревкой.

Во мраке впереди блеснул огонь.

Девушка вышла на поляну. Будто окаменевший хоровод, здесь стояли высокие, в рост человека, серые камни. Между ними двигался огонек. Харальд испуганно присел: он не знал, что это за место, но ему стало не по себе. Гунн остановилась возле ближайшего камня. Приглядевшись, Харальд ра-

зобрал, что там, в кругу, ходит женщина с факелом в руке: далеко не молодая, с длинными распущенными волосами. На поясе у нее висело множество каких-то мелких предметов, а в другой руке она держала высокий посох.

И тут Харальд сообразил, кто это. Ведьма Ульфинна! Он слышал разговоры, что где-то в этом лесу с незапамятных времен живет старая ведьма. Она уже была, когда дед Хёрдакнут построил здесь усадьбу, состарилась здесь, потом стала опять молодой, потом снова состарилась. Многие не верили в это.

Зачем сюда пришла Гунн? Поучиться колдовству, не иначе! Ведьма, которая умеет из старухи становиться снова молодой, может научить такому, чего больше никто не знает. Харальд огляделся, не привязан ли где-нибудь ездовой волк со змеями вместо поводий, но ничего такого не заметил.

Прижавшись к дереву, какое-то время Харальд наблюдал, как темная сгорбленная фигура с факелом в руке ходит от одного камня к другому, вроде бы разговаривая с ними. Потом к ней подошла Гунн и что-то ей отдала. Обе женщины, старая и молодая, принялись кружиться все быстрее и быстрее, выкрикивая непонятные слова и завывая. Факел чертил в темном воздухе сплошную огненную линию; было похоже, будто пламенные змеи вьются в темноте. Завороженный этим зрелищем, Харальд и забыл, что надо прятаться, а потом... Факел упал наземь и погас, и последнее, что мальчик успел увидеть, — две черные птицы взметнулись в воздух и пропали.

Огонь потух, и мальчик больше не видел ни стоячих камней, ни ведьмы, ни сестры. В наступившей тишине он чувствовал, что остался здесь совсем

один! Только он, шепчущие деревья, молчащие камни...

Сколько он так сидел, оцепенев? Испугавшись вдруг, что сам окаменеет, Харальд вскочил и побежал обратно. Вершины леса едва виднелись на темно-синем небе, и он сам не знал, каким чудом находил дорогу. Он устал, задыхался, но бежал изо всех сил, а если бы мог, то помчался бы еще быстрее. Его не оставляло чувство, что молчаливые камни, давно скрывшиеся за лесом, все так же смотрят ему вслед, а две черные птицы вот-вот вылетят из темноты и вопьются в затылок кривыми когтями с железной хваткой...

Но бежать ему пришлось не больше половины пути. Впереди послышались крики, лай собак, мелькание огней. Громкие голоса повторяли его имя — это Тюра и Горм, обнаружив, что младшего сына нет дома, послали челядь его искать.

Когда его привели домой, Харальд не мог ответить на вопрос, что делал в темном лесу. Гунн оказалась уже дома, сидела с женщинами у очага, пряла шерсть осенней стрижки и была не менее других встревожена исчезновением младшего из братьев. Он хотел сказать, что пошел за ней, — и не мог. Хотел спросить у Гунн, правда ли она ходила этим вечером в лес, — и тоже не смог, будто забыл все слова или язык окаменел. В конце концов его уложили спать, так и не добившись ответа.

Набегавшись и замерзнув, Харальд заснул сразу. А во сне опять очутился в лесу, но теперь это был другой лес — летний, светлый, приветливый. Кругом волновались цветущие травы, на ласковом ветерке шумели деревья, под ногами краснела спелая

земляника. Навстречу ему вышла молодая женщина с распущенными волосами — чем-то она напоминала Гунн, и Харальд ничуть не испугался. Женщина подошла к нему, приветливо улыбаясь, взяла за руку и куда-то повела.

Шли они недолго — во сне все происходит быстро. Не успел он оглянуться, как перед ними уже открылся домик — вросший в землю, с дерновой крышей, на которой пестрели цветы. Дверь была открыта, внутри заманчиво пылал огонь. Женщина подвела Харальда к двери и знаком предложила войти. Без малейшего страха мальчик шагнул за порог... и вдруг провалился в яму.

Глядя вверх, на прямоугольник отдаленного света, он видел склонившуюся над ямой женщину: она уже не улыбалась. «Ты больше не будешь ходить в лес за твоей сестрой, — прозвучал холодный злой голос. — Ты забудешь обо всем, что видел. Ты не сможешь рассказать об этом, язык твой умрет, слова расплзутся из памяти».

Вдруг лицо ее стало покрываться морщинами, нос заострился, глаза провалились — красавица стремительно превращалась в старуху, седую и уродливую. А потом кожа сползла с этого лица, обнажив череп, — это был мертвец, но седые космы по-прежнему свисали вокруг пустых глазниц и оскаленных зубов. Харальд закричал и забился — точнее, попытался, охваченный невыразимым ужасом, — но не смог пошевелиться, не смог издать ни звука, как это часто бывает во сне. Все его мышцы и язык сковала неодолимая тяжесть, душу наполнила безнадежность. Он понял, что пропал, совсем пропал, погибает и нет пути к спасению. А мертвец стал бросать в яму землю; она сыпалась на грудь Харальду, на лицо, он ощущал возрастающую тяжесть и вме-

сте с тем чувствовал, как с каждым мгновением все дальше от него уносится дневной свет, свежий воздух, свобода, жизнь. Земли все больше, она лежит на его груди и лице, он уже не может вдохнуть и задерживает дыхание, но понимает, что надолго этого не хватит, что у него впереди лишь несколько мгновений жизни. Стены смыкались наверху, заслоня последние лучи света. Груда земли на нем уже так велика, что никогда ему не хватит сил стряхнуть ее и встать. И ее все больше, больше... Он погребен навсегда. Прощай, свет, воздух, жизнь! Это конец... Удушье тяжким болезненным томлением разлилось по жилам...

И все погасло. Теперь он знал, как умирают.

Харальд проснулся с диким криком, обливаясь потом. Подскочил спавший рядом старший брат Кнут, проснулись хирдманы, прибежала их бывшая нянька Аса, потом позвали мать. Харальд сидел на постели и трясся всем телом, держась за горло, стучал зубами и не мог говорить. Его напоили отваром из цветков вереска, лепестков шиповника и земляничного листа, что успокаивает и помогает уснуть, завернули в одеяло, и сама Тюра сидела с ним всю ночь, держа на коленях и укачивая свое младшее дитя. Его уже обучали воинским искусствам и с осенних пиров он первую зиму жил в дружинном покое, но для Тюры Харальд все еще оставался маленьким мальчиком.

Кое-как рассказать о своем сне он смог только утром, после того как его умыли наговоренной водой и повесили на шею палочку с защитными рунами. Но говорил Харальд с трудом, спотыкаясь на каждом слове, а о своей вечерней прогулке к стоячим камням не упомянул — он просто об этом не помнил. Даже вид обеспокоенной Гунн не пробудил

воспоминаний о том, что пошел-то он в лес по ее следам. Даже когда Тюра предложила дочери применить свои умения и сделать для брата амулет, отгоняющий дурные сны, и Гунн охотно согласилась, Харальд не вспомнил, что сестра и была первой причиной всего.

Наступления следующего вечера он ждал с ужасом, твердо уверенный, что та женщина снова придет за ним и поведет в свой домик-ловушку. Он отказывался ложиться в постель, если мать не будет сидеть рядом и держать его за руку. Тогда Горм положил рядом с сыном свой меч — нет лучше средства от злой ворожбы и плохих снов, а еще вырезал вязаную¹ защитную руну над лежанкой сыновей.

Благодаря рунам, отцовскому мечу и заклетьям Харальд спал спокойно: страшная женщина больше к нему не приходила. Но полностью он от этого приключения не оправился, и, хотя в целом его речь наладилась, небольшое заикание осталось на всю жизнь.

До лета все было спокойно. Может быть, Гунн еще не раз посещала Ульфинну, но Харальд больше не замечал ее отлучек. В середине лета за невестой пришел корабль, и Гунн уехала к своему жениху, Эйрику.

После ее отъезда словно пелена спала с памяти Харальда, и он разом вспомнил все: тайные прогулки сестры, свою погоню за ней по лесу, кружение старухи с факелом среди стоячих камней... Теперь он смог рассказать об этом матери. Тюра передала

---

¹ Вязанные руны — несколько рун, подобранных с определенной целью, начертанных одна поверх другой: их формы сливаются и постороннему глазу становится невозможно определить, какие именно руны использованы, что делает заклиание неснимаемым. (Здесь и далее примечания автора.)

его слова отцу, и разгневанный Горм приказал хирдманам немедленно схватить Ульфину, которая начала неведомо чему его дочь и испортила сына.

Ради чести Гунн это дело не стали предавать огласке, но ведьму поймали и утопили в море, надев ей на голову кожаный мешок. Жуткий сон про яму повторялся и после ее смерти, но очень редко, не каждый год.

Взрослея, Харальд все лучше понимал, какой страшной опасности подвергался и как ему повезло, что он отделался лишь небольшим заиканием. Иной раз доходили слухи, что Гунн и в Норвегии не оставила занятия колдовством и даже вроде бы обучалась у тамошних финнов, великих искусников по части чар. С годами за Гунн, матью все возрастающего семейства, установилась слава сильной колдуньи. Теперь Харальд не сомневался, что перед замужеством она тайком бегала к Ульфине ради чародейской науки.

С тех детских лет в душе Харальда сына Горма навсегда поселилась брезгливая ненависть к ведьмам, злым чарам и коварным женщинам. Теперь это был уже не мальчик, а мужчина двадцати пяти лет, самый рослый в дружине, один из сильнейших бойцов, отважный и решительный человек, недоступный для детских страхов.

Но прошлое ожило в памяти, когда он совсем этого не ждал. Когда однажды он увидел Гуннхильд дочь Олава — рыжеволосую девушку, носившую то же имя, что и его старшая сестра-колдунья, и способную, как Ульфина, становиться то старой, то молодой...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— А я тебе еще раз говорю: надо отдать этих женщин! Это самое лучшее, что мы можем сделать!

Гуннхильд вздрогнула, сделала Бирте знак молчать и припала к щели в дощатой перегородке. Бирта, дочь хозяина дома, позвала ее в кладовую, чтобы показать вышивку на своем будущем свадебном платье. Дверь кладовой открывалась в теплый покой², иначе грид; и едва девушки вошли, как в гриде появился сам хозяин, Торберн по прозвищу Сильный, а с ним и другие влиятельные люди вика³ Хедебю. В другой раз Гуннхильд и не подумала бы подслушивать чужие разговоры, но сейчас замерла и насторожилась. Женщинами, о которых шла — или могла идти — речь, были она сама и ее две ближайшие родственницы. Голос принадлежал Хрольффу по прозвищу Хитрый, крупнейшему в вике торговцу рабами.

— Сразу видно, что ты привык торговать женщинами! — отозвался кто-то из пришедших с хозяином мужчин. — Может, уже и цену прикинул? Опомнись, ведь речь идет о матери нашего конунга!

---

² Теплый покой — центральная часть большого скандинавского дома, где располагался большой очаг, где ели, спали и проводили большую часть времени.

³ Вика — открытое торгово-ремесленное поселение, предшественник города, где летом устраивались большие рынки.

По голосу Гуннхильд узнала Альвбада, фриза⁴. Фризы, когда-то основавшие поселение у фьорда Сле, и сейчас составляли значительную часть его жителей, и Альвбад принадлежал к одному из наиболее влиятельных родов.

— А где он теперь, этот конунг? — сердито ответил ему венд Гостислав. Похоже, Торберн созвал к себе видных людей из всех общин Хедебю, наверное, и от саксов кто-нибудь есть. — Боги от него отвернулись! Кнут сын Горма гнал его по собственной земле, будто волк зайца! Он был разбит и у границы, и здесь, перед виком! Чудо, что Кнут еще не занял Хедебю! Что нам пользы от Олава?

— Наш конунг всегда был дураком и неудачником! — отрезал Хрейн Дупло, и Гуннхильд за перегородкой поморщилась: кому понравится слышать такое о родном отце. — Разве этот человек может править страной? Лишь бы стоять на носу, неважно чего, и чтобы плащ развевался! Он сам виноват, что все это с ним случилось! Ни разу еще он не проехал по своей же земле, чтобы с кем-нибудь да не поссориться! Его пригласили на пир, оказали ему честь, так нет, он даже не может спокойно посидеть за столом и выпить во славу богов, как приличные люди!

— А это правда — насчет ковша? — хихикнул Гуннар сын Асмунда, известный в Хедебю как Горе Гуннар.

— Правда, — вздохнул Оттар Синий, неплохой человек, если не считать большой склонности к выпивке.

— Прямо так — ковшом по лицу? Сыну Горма конунга?

— Прямо так.

---

⁴ Фризы — германоязычный народ, в древности имели свое государство на территории современной Бельгии.

— И ковш раскололся?

— Раскололся.

— Да что же у него голова — железная, что ли?

— Не знаю, но я сам видел. Может, ковш был уже старый и треснутый.

— Старый, не старый! — с раздражением перебил их Снорри Черный Скальд. — Если бы мне дали на пиру, при всех гостях, ковшом по морде, я бы не успокоился, пока бы не сжег весь дом того, кто это сделал, а его самого разорвал бы на части! А это ведь сын конунга! Неудивительно, что Кнут стоит с дружиной возле самого вика. Странно, что он еще не ворвался сюда и не прикончил нас всех!

— Но мы-то почему должны отвечать за его дела? — зашумели сразу все присутствующие, наиболее богатые торговцы из постоянно проживающих в вике Хедебю и хозяева ближайших усадеб. — То мы, а то Олав конунг!

— Мы за него отвечать не можем!

— Пусть Кнут ищет его в море, если ему обидно!

— Вот я и говорю: надо отправить к нему женщин! — снова начал Хрольф Хитрый, невысокий, щуплый, шустрый мужчина лет тридцати. Обычно его подвижное лицо выражало наивное дружелюбие, но на деле это был человек расчетливый и бессердечный. Разбогател он на том, что скупал у викингов захваченных пленников и перепродавал на Восточный путь и в Грикланд. — Пока они у нас, мы как бы остаемся людьми Олава и врагами Кнютлингов⁵.

---

⁵ Кнютлинги — датский королевский род, правил в северной части Дании, вел происхождение от Рагнара Лодброка и через него от Сквёльда, считавшегося сыном Одина. Назван по Кнуту — отцу Горма. Олав принадлежит к ветви Инглингов — шведского и норвежского королевского рода, который шел от Фрейра. Предки Олава три поколения назад захватили Южную Данию.

А если мы их отдадим, то Кнут будет знать, что Олав сам по себе, а мы сами по себе, и не тронет вик!

— Он и так не тронет вик: он же не дурак! — воскликнул старый Ульф. — Ни один конунг, если у него на плечах голова, а не только шлем с узорами, не станет разорять вик.

— А если дурак? — возразил Гостислав. — Кнут сын Горма еще совсем молод. Он еще не умеет думать о завтрашнем дне. Ему лишь бы пограбить и прославиться. А дальше хоть море высохни!

— Тем более наши конунги враждуют с Кнютлингами уже три поколения, с тех пор как Олав Старый здесь появился.

— Да вы совсем обезумели, я посмотрю! — Гуннхильд узнала мощный рык Торберна Сильного. Раздался гулкий удар кулака по столу: у хозяина иссякло терпение. — Кто здесь сказал про Олава Старого? Ты, Хрейн? Значит, память какая-то еще есть! Если вы решите отдать женщин Олава Кнуту сыну Горма, вы заслужите имя предателей! Вы сами разрушите освященный веками союз, боги отвернутся от вас, и ни в чем вам не будет удачи! Вините потом себя!

— А насчет богов, так можно попросить о помощи Христа сына Марии⁶! — возразил ему Горе Гуннар. — В Дорестаде и Бьёрко, не говоря уж о Стране Саксов и Стране Франков, многие торговые люди поклоняются ему, и дела у них идут хорошо.

— Благополучие нашего вика держится на Кольце Фрейи. Если есть такие смелые, чтобы от него отказаться, то я не с вами, — покачал головой Оттар Синий. — И если уж вы на это решитесь и тинг⁷ вас поддержит, то я, пока не поздно, поищу себе местечко в Бьёрко.

---

⁶ Ранние скандинавские христиане называли так Христа.

⁷ Тинг — народное собрание, в данном случае — жителей вика.